

The Murder of Alyona Ivanovna

Федор Михайлович Достоевский
Убийство Алены Ивановны

The Murder of Alyona Ivanovna
By Fyodor Dostoevsky

Дверь, как и тогда, отворилась на крошечную щелочку, и опять два острые и недоверчивые взгляда уставились на него из темноты.

The door was as before opened a tiny crack, and again two sharp and suspicious eyes stared at him out of the darkness.

Тут Раскольников потерялся и сделал было важную ошибку.

Then Raskolnikov lost his head and nearly made a great mistake.

Опасаясь, что старуха испугается того, что они одни, и не надеясь, что вид его ее разуверит, он взялся за дверь и потянул ее к себе, чтобы старуха как-нибудь не вздумала опять запереться.

Fearing the old woman would be frightened by their being alone, and not hoping that the sight of him would disarm her suspicions, he took hold of the door and drew it towards him to prevent the old woman from attempting to shut it again.

Study Notes: _____

Увидя это, она не рванула дверь к себе обратно, но не выпустила и ручку замка, так что он чуть не вытащил ее, вместе с дверью, на лестницу.

Seeing this she did not pull the door back, but she did not let go the handle so that he almost dragged her out with it on to the stairs.

Видя же, что она стоит в дверях поперек и не дает ему пройти, он пошел прямо на нее.

Seeing that she was standing in the doorway not allowing him to pass, he advanced straight upon her.

Та отскочила в испуге, хотела было что-то сказать, но как будто не смогла и смотрела на него во все глаза.

She stepped back in alarm, tried to say something, but seemed unable to speak and stared with open eyes at him.

— Здравствуйте, Алена Ивановна, — начал он как можно развязнее, но голос не послушался его, прервался и задрожал, — я вам... вещь принес... да вот лучше пойдёмте сюда... к свету...

“Good evening, Alyona Ivanovna,” he began, trying to speak easily, but his voice would not obey him, it broke and shook. “I have come... I have brought something... but we’d better come in... to the light...”

— И, бросив ее, он прямо, без приглашения, прошел в комнату.

And leaving her, he passed straight into the room uninvited.

Старуха побежала за ним; язык ее развязался.

The old woman ran after him; her tongue was unloosed.

— Господи! Да чего вам?.. Кто такой? Что вам угодно?

“Good heavens! What it is? Who is it? What do you want?”

— Помилуйте, Алена Ивановна... знакомый ваш... Раскольников... вот, заклад принес, что обещался намерении...

“Why, Alyona Ivanovna, you know me... Raskolnikov... here, I brought you the pledge I promised the other day...”

— И он протягивал ей заклад.

And he held out the pledge.

Старуха взглянула было на заклад, но тотчас же уставилась глазами прямо в глаза незваному гостю.

The old woman glanced for a moment at the pledge, but at once stared in the eyes of her uninvited visitor.

Она смотрела внимательно, злобно и недоверчиво.

She looked intently, maliciously and mistrustfully.

Прошло с минуту; ему показалось даже в ее глазах что-то вроде насмешки, как будто она уже обо всем догадалась.

A minute passed; he even fancied something like a sneer in her eyes, as though she had already guessed everything.

Он чувствовал, что теряется, что ему почти страшно, до того страшно, что кажется, смотри она так, не говори ни слова еще с полминуты, то он бы убежал от нее.

He felt that he was losing his head, that he was almost frightened, so frightened that if she were to look like that and not say a word for another half minute, he thought he would have run away from her.

— Да что вы так смотрите, точно не узнали? — проговорил он вдруг тоже со злобой.

“Why do you look at me as though you did not know me?” he said suddenly, also with malice.

— Хотите берите, а нет — я к другим пойду, мне некогда.

“Take it if you like, if not I’ll go elsewhere, I am in a hurry.”

Он и не думал это сказать, а так, само вдруг выговорилось.

He had not even thought of saying this, but it was suddenly said of itself.

Старуха опомнилась, и решительный тон гостя ее, видимо, ободрил.

The old woman recovered herself, and her visitor's resolute tone evidently restored her confidence.

— Да чего же ты, батюшка, так вдруг... что такое? — спросила она, смотря на заклад.

"But why, my good sir, all of a minute.... What is it?" she asked, looking at the pledge.

— Серебряная папиросочница: ведь я говорил прошлый раз.

"The silver cigarette case; I spoke of it last time, you know."

Она протянула руку.

She held out her hand.

— Да чтой-то вы какой бледный? Вот и руки дрожат!

"But how pale you are, to be sure... and your hands are trembling too?"

Искупался, что ль, батюшка?

Have you been bathing, or what?"

— Лихорадка, — отвечал он отрывисто.

"Fever," he answered abruptly.

— Поневоле станешь бледный... коли есть нечего, — прибавил он, едва выговаривая слова.

"You can't help getting pale... if you've nothing to eat," he added, with difficulty articulating the words.

Силы опять покидали его.

His strength was failing him again.

Но ответ показался правдоподобным; старуха взяла заклад.

But his answer sounded like the truth; the old woman took the pledge.

— Что такое? — спросила она, еще раз пристально оглядев Раскольникова и взвешивая заклад на руке.

“What is it?” she asked once more, scanning Raskolnikov intently, and weighing the pledge in her hand.

— Вещь... папиросочница... серебряная... посмотрите.

“A thing... cigarette case.... Silver.... Look at it.”

— Да чтой-то, как будто и не серебряная...

“It does not seem somehow like silver....

Ишь навертел.

How he has wrapped it up!”

Стараясь развязать шнурок и оборотясь к окну, к свету (все окна у ней были заперты, несмотря на духоту), она на несколько секунд совсем его оставила и стала к нему задом.

Trying to untie the string and turning to the window, to the light (all her windows were shut, in spite of the stifling heat), she left him altogether for some seconds and stood with her back to him.

Он расстегнул пальто и высвободил топор из петли, но еще не вынул совсем, а только придерживал правой рукой под одеждой.

He unbuttoned his coat and freed the axe from the noose, but did not yet take it out altogether, simply holding it in his right hand under the coat.

Руки его были ужасно слабы; самому ему слышалось, как они, с каждым мгновением, всё более немели и деревенели.

His hands were fearfully weak, he felt them every moment growing more numb and more wooden.

Он боялся, что выпустит и уронит топор... вдруг голова его как бы закружилась.

He was afraid he would let the axe slip and fall.... A sudden giddiness came over him.

— Да что он тут навертел! — с досадой вскричала старуха и пошевелилась в его сторону.

“But what has he tied it up like this for?” the old woman cried with vexation and moved towards him.

Ни одного мига нельзя было терять более.

He had not a minute to lose.

Он вынул топор совсем, взмахнул его обеими руками, едва себя чувствуя, и почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом.

He pulled the axe quite out, swung it with both arms, scarcely conscious of himself, and almost without effort, almost mechanically, brought the blunt side down on her head.

Силы его тут как бы не было.

He seemed not to use his own strength in this.

Но как только он раз опустил топор, тут и родилась в нем сила.

But as soon as he had once brought the axe down, his strength returned to him.

Старуха, как и всегда, была простоволосая.

The old woman was as always bareheaded.

Светлые с проседью, жиденькие волосы ее, по обыкновению жирно смазанные маслом, были заплетены в крысиную косичку и подобраны под

Her thin, light hair, streaked with grey, thickly smeared with grease, was plaited in a rat's tail and fastened by a broken horn comb which stood out on the nape of her neck.

осколок роговой гребенки, торчавшей на ее затылке.

Удар пришелся в самое темя, чему способствовал ее малый рост.

Она вскрикнула, но очень слабо, и вдруг вся осела к полу, хотя и успела еще поднять обе руки к голове.

As she was so short, the blow fell on the very top of her skull.

She cried out, but very faintly, and suddenly sank all of a heap on the floor, raising her hands to her head.

В одной руке еще продолжала держать «заклад».

Тут он изо всей силы ударил раз и другой, всё обухом и всё по темени.

Кровь хлынула, как из опрокинутого стакана, и тело повалилось навзничь.

Он отступил, дал упасть и тотчас же нагнулся к ее лицу; она была уже мертвая.

Глаза были вытаращены, как будто хотели выпрыгнуть, а лоб и всё лицо были сморщены и искажены судорогой.

In one hand she still held “the pledge.”

Then he dealt her another and another blow with the blunt side and on the same spot.

The blood gushed as from an overturned glass, the body fell back.

He stepped back, let it fall, and at once bent over her face; she was dead.

Her eyes seemed to be starting out of their sockets, the brow and the whole face were drawn and contorted convulsively.

Он положил топор на пол, подле мертвой, и тотчас же полез ей в карман, стараясь не замараться текущею кровию, — в тот самый правый карман, из которого она в прошлый раз вынимала ключи.

He laid the axe on the ground near the dead body and felt at once in her pocket (trying to avoid the streaming body)—the same right-hand pocket from which she had taken the key on his last visit.

Он был в полном уме, затмений и головокружений уже не было, но руки всё еще дрожали.

He was in full possession of his faculties, free from confusion or giddiness, but his hands were still trembling.

Он вспомнил потом, что был даже очень внимателен, осторожен, старался всё не запачкаться...

He remembered afterwards that he had been particularly collected and careful, trying all the time not to get smeared with blood....

Ключи он тотчас же вынул; все, как и тогда, были в одной связке, на одном стальном обручке.

He pulled out the keys at once, they were all, as before, in one bunch on a steel ring.

Тотчас же он побежал с ними в спальню.

He ran at once into the bedroom with them.

Это была очень небольшая комната, с огромным киотом образов.

It was a very small room with a whole shrine of holy images.

У другой стены стояла большая постель, весьма чистая, с шелковым, наборным из лоскутков, ватным одеялом.

Against the other wall stood a big bed, very clean and covered with a silk patchwork wadded quilt.

У третьей стены был комод.

Against a third wall was a chest of drawers.

Странное дело: только что он начал прилаживать ключи к комоду, только что услышал их звякание, как будто судорога прошла по нем.

Strange to say, so soon as he began to fit the keys into the chest, so soon as he heard their jingling, a convulsive shudder passed over him.

Ему вдруг опять захотелось бросить всё и уйти.

He suddenly felt tempted again to give it all up and go away.

Но это было только мгновение; уходить было поздно.

But that was only for an instant; it was too late to go back.

Он даже усмехнулся на себя, как вдруг другая тревожная мысль ударила ему в голову.

He positively smiled at himself, when suddenly another terrifying idea occurred to his mind.

Ему вдруг почудилось, что старуха, пожалуй, еще жива и еще может очнуться.

He suddenly fancied that the old woman might be still alive and might recover her senses.

Бросив ключи, и комод, он побежал назад, к телу, схватил топор и намахнулся еще раз над старухой, но не опустил.

Leaving the keys in the chest, he ran back to the body, snatched up the axe and lifted it once more over the old woman, but did not bring it down.

Сомнения не было, что она мертвая.

There was no doubt that she was dead.

Нагнувшись и рассматривая ее опять ближе, он увидел ясно, что череп был раздроблен и даже сворочен чуть-чуть на сторону.

Bending down and examining her again more closely, he saw clearly that the skull was broken and even battered in on one side.

Он было хотел пощупать пальцем, но отдернул руку; да и без того было видно.

He was about to feel it with his finger, but drew back his hand and indeed it was evident without that.

Крови между тем натекла уже целая лужа.

Meanwhile there was a perfect pool of blood.

Вдруг он заметил на ее шее снурок, дернул его, но снурок был крепок и не срывался; к тому же намок в крови.

All at once he noticed a string on her neck; he tugged at it, but the string was strong and did not snap and besides, it was soaked with blood.

Он попробовал было вытащить так, из-за пазухи, но что-то мешало, застряло.

He tried to pull it out from the front of the dress, but something held it and prevented its coming.

В нетерпении он взмахнул было опять топором, чтобы рубнуть по снурку тут же, по телу, сверху, но не посмел, и с трудом, испачкав руки и топор, после двухминутной возни, разрезал снурок, не касаясь топором тела, и снял; он не ошибся — кошелек.

In his impatience he raised the axe again to cut the string from above on the body, but did not dare, and with difficulty, smearing his hand and the axe in the blood, after two minutes' hurried effort, he cut the string and took it off without touching the body with the axe; he was not mistaken—it was a purse.

На шнурке были два креста,
кипарисный и медный, и, кроме того,
финифтяный образок; и тут же вместе с
ними висел небольшой, замшевый,
засаленный кошелек, с стальным
ободком и колечком.

On the string were two crosses, one of
Cyprus wood and one of copper, and an
image in silver filigree, and with them a
small greasy chamois leather purse with a
steel rim and ring.

Кошелек был очень туго набит;
Раскольников сунул его в карман, не
осматривая, кресты сбросил старухе на
грудь и, захватив на этот раз и топор,
бросился обратно в спальню.

The purse was stuffed very full;
Raskolnikov thrust it in his pocket without
looking at it, flung the crosses on the old
woman's body and rushed back into the
bedroom, this time taking the axe with
him.

Он спешил ужасно, схватился за ключи
и опять начал возиться с ними.

He was in terrible haste, he snatched the
keys, and began trying them again.

Но как-то всё неудачно: не
вкладывались они в замки.

But he was unsuccessful. They would not
fit in the locks.

Не то чтобы руки его так дрожали, но
он всё время ошибался: и видит,
например, что ключ не тот, не
подходит, а всё сует.

It was not so much that his hands were
shaking, but that he kept making
mistakes; though he saw for instance that
a key was not the right one and would
not fit, still he tried to put it in.

Вдруг он припомнил и сообразил, что этот большой ключ, с зубчатою бородкой, который тут же болтается с другими маленькими, непременно должен быть вовсе не от комода (как и в прошлый раз ему на ум пришло), а от какой-нибудь укладки, и что в этой-то укладке, может быть, всё и припрятано.

Suddenly he remembered and realised that the big key with the deep notches, which was hanging there with the small keys could not possibly belong to the chest of drawers (on his last visit this had struck him), but to some strong box, and that everything perhaps was hidden in that box.

Он бросил комод и тотчас же полез под кровать, зная, что укладки обыкновенно ставятся у старух под кроватями.

He left the chest of drawers, and at once felt under the bedstead, knowing that old women usually keep boxes under their beds.

Так и есть: стояла значительная укладка, побольше аршина в длину, с выпуклою крышкой, обитая красным сафьяном, с утыканными по нем стальными гвоздиками.

And so it was; there was a good-sized box under the bed, at least a yard in length, with an arched lid covered with red leather and studded with steel nails.

Зубчатый ключ как раз пришелся и отпер.

The notched key fitted at once and unlocked it.

Сверху, под белую простыней, лежала заячья шубка, крытая красным гарнитуром; под нею было шелковое платье, затем шаль, и туда, вглубь, казалось всё лежало одно тряпье.

At the top, under a white sheet, was a coat of red brocade lined with hareskin; under it was a silk dress, then a shawl and it seemed as though there was nothing below but clothes.

Прежде всего он принялся было вытирать об красный гарнитур свои запачканные в крови руки.

The first thing he did was to wipe his blood-stained hands on the red brocade.

«Красное, ну а на красном кровь
неприметнее», — рассудилось было
ему, и вдруг он опомнился:

“It’s red, and on red blood will be less
noticeable,” the thought passed through
his mind; then he suddenly came to
himself.

«Господи! С ума, что ли, я схожу?» —
подумал он в испуге.

“Good God, am I going out of my
senses?” he thought with terror.

Но только что он пошевелил это тряпье,
как вдруг, из-под шубки, выскользнули
золотые часы.

But no sooner did he touch the clothes
than a gold watch slipped from under the
fur coat.

Он бросился всё перевертывать.

He made haste to turn them all over.

Действительно, между тряпьем были
перемешаны золотые вещи —
вероятно, всё заклады, выкупленные и
невыкупленные, — браслеты, цепочки,
серьги, булавки и проч.

There turned out to be various articles
made of gold among the clothes—
probably all pledges, unredeemed or
waiting to be redeemed—bracelets,
chains, ear-rings, pins and such things.

Иные были в футлярах, другие просто
обернуты в газетную бумагу, но
аккуратно и бережно, в двойные листы,
и кругом обвязаны тесемками.

Some were in cases, others simply
wrapped in newspaper, carefully and
exactly folded, and tied round with tape.

Нимало не медля, он стал набивать ими карманы панталон и пальто, не разбирая и не раскрывая свертков и футляров; но он не успел много набрать...

Without any delay, he began filling up the pockets of his trousers and overcoat without examining or undoing the parcels and cases; but he had not time to take many....
